

**«Слуги царские»: литвин Шимон Ромейков
и сын боярский Василий Шалыгин — информаторы Москвы
накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.**

В 1632 г. истекал срок перемирия, подписанного между Московским государством и Речью Посполитой в декабре 1618 г. По условиям этого мирного соглашения Москва уступала польской стороне ряд западных территорий, среди которых были Смоленск, Невель, Себеж, а также города Северной земли (Трубчевск, Стародуб, Чернигов, Почеп, Новгород-Северский). Следует отметить, что в русской столице подготовка к грядущей войне началась уже в конце 1620-х годов. В частности, это касалось сбора данных о событиях в Речи Посполитой через разведчиков, шпионов и информаторов, некоторые из которых действовали на территории Северной земли, а точнее — на русско-польском пограничье. В документации Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (г. Москва) хранится небольшой комплекс документов о деятельности двух информаторов с территории Литвы: шляхтича-литвина Шимона Ромейкова и русского сына боярского Василия Шалыгина. Подробности их вербовки на русскую службу неизвестны, однако уже с 1629 г. эти люди вели активную переписку с брянскими воеводами, сообщая обо всем, что происходило в Польше. Наиболее актуальной их информация оказалась в 1632 г., когда в Речи Посполитой начался период «бескорольвья». Именно тогда в Москве считали нужным взять реванш и досрочно объявить войну своему соседу.

Ключевые слова: *Смоленская война 1632–1634 гг., Московское государство, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, шляхта, Деулинское перемирие 1618 г.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.1.02

Для периода раннего Нового времени в известных исследователям источниках содержится не так уж много данных об информаторах, шпионах и разведчиках с территории Речи Посполитой, сообщавших русским воеводам ценные сведения о событиях в своей

стране. Особенно это касается непосредственно уроженцев польско-литовского государства, выходцев из шляхты, что, пожалуй, само по себе является исключением из правил. Основное внимание в данной статье уделено двум таким людям — шляхтичу Семену Ромейкову, который в источниках чаще всего упоминался под польским именем Szymon (он же Шиман, литвин Семен Шиман, Семен Ромейкович или Семен Петрович), а также его товарищу, почепскому сыну боярскому Василию (Васько) Шалыгину. Накануне Смоленской войны 1632–1634 гг. Шимон с сыновьями и Василием Шалыгиным являлись информаторами брянских воевод о положении дел в Польше. Данные сведения доставлялись в Брянск не только в устной форме (через русского лазутчика, крестьянина Богдашку Алексеева), но и в виде писем, написанных лично Шимоном Ромейковым так называемым белорусским письмом.

О самом Шимоне Ромейкове, его происхождении, а также подробностях вербовки московским правительством (если таковая вообще имела место) сведений не имеется. Исходя из неоднократного упоминания термина «литвин» в касавшейся Шимона переписке с Разрядным приказом брянских воевод кн. Василия Ромодановского и Никиты Оладьяна, можно предположить, что герой нашего повествования происходил из православной белорусской шляхты и, возможно (!), являлся потомком смоленского наместника Гурия (Гурко) Ромейко, жившего в XVI столетии. Однако вопрос этот остается открытым и требует дополнительного изучения.

В 1618 г. Почеп вместе с другими городами Северной земли (Трубчевском, Новгородом-Северским, Стародубом, Моровском и Черниговом) по условиям Деулинского мирного соглашения отошел к Польше. Гарнизоны этих городов, а также представители местного дворянства (включая детей боярских) по царскому указу были вынуждены переселиться в окраинные города Московского государства: Брянск, Рыльск, Карачев и Путивль. При этом необходимо отметить, что покинули эти так называемые отдаточные города далеко не все дворяне и дети боярские. Наибольшее число служилых помещиков, не вышедших на русскую территорию после 1618 г., находилось в Стародубе — 44 человека. По разным оценкам, не более 10 человек остались в Почепе и около 25 человек — в Трубчевске (здесь они составляли так называемый двор князей Трубецких)¹. Видимо, главной причиной,

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 687.

по которой местное дворянство не пожелало выехать в Московское государство, была верность присяге польскому королю Сигизмунду III. На Руси все эти стародубцы, почепцы и трубчане, разумеется, считались изменниками.

Права русского дворянства на собственные поместья и вотчины «в отдаче» были подтверждены королевскими привилеями, сведения о которых содержатся в материалах Литовской метрики за 1620-е годы². К сожалению, мы не знаем, каково было соотношение русских землевладельцев и выходцев из польской шляхты в уездах «отдаточных» городов. Но стоит предположить, что шляхетское (помещичье) землевладение в данном регионе Северной земли за 14 лет его нахождения в составе Речи Посполитой едва ли успело сформироваться должным образом. Несмотря на то, что все эти уезды располагались на границе с Московским государством, их центры (города-крепости) не были

2 В 1620 г. в Стародуб прибыли польские комиссары «на ординацию замков, от Москвы рекуперованных», а также для «отбирания замков северских от Москвы, также ж и для ревидования прав от людей стану духовного, яко и дворян, сынов боярских, яко зачим хто всякие добра ойчизне и поместья держит». По данным работы этой комиссии до нас дошли две жалованных грамоты (привилеи), выданные Балтазаром Стравинским и Войцехом Глембовским детям боярским Рубцам (Рубцовым) и Борозднам (Борозниным или Бороздниним) о подтверждении их прав на поместья (см. *Лазаревский А. М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории, заселения, землевладения и управления. Брянск, 2008. Т. 1. Полк Стародубский. С. 21). Помимо этого, в Литовской метрике за 1620-е годы отмечен небольшой комплекс привилеев и другим стародубским детям боярским: Родиону Скрябину, Григорию Суходольскому и Неустрою Иншину. Данные привилеи подтверждали их право на владение прежними поместьями, «которые оне перед тым за Москвы держали». Любопытна формулировка, на которую сделан акцент в каждом из таких привилеев с точки зрения характеристики того или иного сына боярского: «не хочечи на сторону московскую по застановенью перемирья з Московю переходить». Так, по данным Литовской метрики 1620-х годов, за Родионом Скрябиным были подтверждены привилеем деревни Межень, половина пустоши деревни Чулковичи, деревни Сколково, Семиречь, Глодавцы, пустошь деревни Жилской, пустошь Готожская и др.; за Григорием Суходольским — пустошь селище Седельники (Гордеенки), деревня Сартовичи; за Неустроем Иншиным — селище Волотовичи, деревни Юхновская, Рублевская и Мохначевская (РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Д. 101. Л. 161об.–162об., 191–193об.).

хорошо укреплены в оборонительном плане и представляли собой далекую периферию польско-литовской державы. Исключением был лишь Чернигов, находившийся в центре Северной земли, стратегическое значение которого было достаточно велико.

Вероятно, именно в 1620-е гг. в Почепский уезд переселился «литвин Шиман» с семьей. Известно, что жил он в своем поместье в деревне Близница³, имел шестерых детей: четырех сыновей (Григория, Давида, Степана и Федора) и двух дочерей (имена неизвестны).

Здесь же, в Близнице, проживал и русский сын боярский Василий (Васько⁴) Шалыгин, который, судя по всему, был близким другом семьи Ромейковых. О нем известно лишь то, что он относился к тем русским детям боярским, которые не переселились в Московское государство после 1618 г.⁵ Неясно, из каких побуждений Василий Шалыгин решил послужить Москве: из-за верности православию или чувства вины за «измену». Так или иначе, накануне Смоленской войны он стал информатором русских воевод. Возможно также, что Шалыгин, будучи другом литвина Шимона, как-то повлиял на православного шляхтича, в связи с чем служить русскому царю они стали вместе. В своей деятельности Ромейков и Шалыгин были не одиноки: по-видимому, в конце 20-х годов XVII столетия в Стародубе, Почепе и Трубчевске часть русских детей боярских все еще симпатизировала Москве. Так, к примеру, в источниках Разрядного приказа за 1629 г. можно встретить упоминания о стародубце Василии Тонком, ездившем на сейм и передававшем сведения через русского лазутчика в Брянск. Однако перед самым началом Смоленской войны упоминаний о нем уже нет⁶.

3 В настоящее время одноименная деревня в Почепском районе Брянской области.

4 В ряде писем от информаторов из Близницы в Брянск Василий Шалыгин фигурирует именно под этим уменьшительно-ласкательным прозвищем на западнорусский манер.

5 Привилей на поместье в Близнице Алексею и Кириллу Шалыгиным (возможно, его родственникам по отцовской линии) можно встретить в пожалованиях Сигизмунда III русским чиновникам и служилым людям 1610–1612 гг. См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 4. С. 330–341.

6 РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 22. Л. 175–176; Там же. Д. 36. Л. 121–123.

Первые сведения о взаимодействии «литвина Шимана» и Василия Шалыгина с Брянском приходится на время воеводства стольника Федора Матвеевича Бутурлина. Так, 12 ноября 1629 г. с монастырским крестьянином села Акуличи Богдашкой Алексеевым в местную приказную избу были доставлены «два листа» от литвина Шимона и почепца Василия Шалыгина. Что сообщили в своих письмах эти люди, к сожалению, покрыто тайной (документация не сохранилась), однако царским указом им было отправлено большое жалованье — «по тритцать рублей человеку»⁷.

Наиболее полная документация о контактах Близницы и Брянска встречается в источниках Разрядного приказа с апреля 1632 г. В это самое время в Москве с замиранием сердца следили за новостями из Речи Посполитой — в Варшаве скончался Сигизмунд III, и в польском государстве наступил период «бескоролья», во время которого магнаты и шляхта были заняты выборами нового монарха.

Еще в начале марта 1632 г. из Брянска «за литовский рубеж», в Почепский уезд был отправлен «сходчик» (лазутчик) крестьянин Богдашка Алексеев. В его задачу входили сбор сведений и слухов от местного населения о том, что происходит в Речи Посполитой, а также посещение деревни Близница, где можно было также почерпнуть нужную информацию от Шимона Ромейкова и Василия Шалыгина. Кроме того, лазутчик обязан был доставить к информаторам в Близницу государево жалованье в размере 20 рублей. По каким-то причинам деньги были получены только Шимоном Ромейковым, в то время как Василий Шалыгин остался без положенного жалованья. Из-за этого между ними возникла ссора: «за то, что [...] к государю служба заодно, а [...] государево жалованья послано к одному Семену Шиману». Ромейков передал «сходчику» два письменных послания для брянских воевод, после чего отправил его в сторону русского рубежа. Однако по дороге домой, на Малышевском селище, крестьянину Богдашке повстречался некий «лях Хмелевский», который отвез его к себе в деревню Беловскую, где «держал (взаперти. — А. Р.) [...] два дни и две ночи». Неизвестно, обнаружил ли Хмелевский у Богдашки письма от Шимона, но, судя по всему, его задержание могло закончиться плохо для русского лазутчика: шляхтич имел серьезное намерение отвезти крестьянина в Почеп, к уряднику Яну Лапинскому. К счастью, про это узнал Василий Шалыгин, который вскоре прибыл к Хмелевскому и выкупил неза-

⁷ Там же. Д. 36. Л. 436–438.

дачливого Богдашку за два руб. 16 апреля русский лазутчик уже был в Брянске, где сразу же направился в местную съезжую избу. Воеводы с большим интересом выслушали рассказ крестьянина о его путешествии в Почепский уезд, а также изучили письма от Шимона Ромейкова. Согласно данной документации, Шимон Ромейков со старшим сыном Григорием и «почепцем Васько» лично отправился на сейм, однако по пути под Слонимом у путников пали лошади, при этом деньги были на исходе. По этой причине на сейм решено было отправить лишь одного Григория, а Шимону с Шалыгиным пришлось вернуться домой пешими: «по тридцати рублей у лошадех згнуло, а сами стало рублей пятьдесят стравили, сами пехотою пришли», — докладывали они в письме.

Последние события в Польше были весьма лапидарно освещены литовскими информаторами. После сейма поляки отправили к турецкому султану посланника с целью провести переговоры о взаимном ненападении. Опасения поляков были связаны с участием разбоями запорожских казаков на море и грабежами турецких купцов со стороны запорожских казаков, что серьезным образом отразилось на отношениях двух держав, поставив их на грань войны. Важной новостью было также и то, что в порубежных с Московским государством литовских городах (Стародубе, Новгороде-Северском и Почепе) никаких пополнений в ратных людях нет, «запасов не готуют»⁸.

Царь Михаил Федорович посчитал необходимым щедро наградить Ромейкова и Шалыгина за ценные сведения из Речи Посполитой. По этому случаю 30 апреля 1632 г. брянские воеводы получили государев указ отправить к «литвину Шиману» и Василию Шалыгину 15 пудов соли из местных городских запасов, деньги на которую надлежало взять из кабацких или таможенных доходов. Спустя месяц, 30 мая, в Почепский уезд «тайным обычаем и [...] тайным бережением» на подводе отправился Богдашка Алексеев, которому было наказано не только доставить соль Ромейкову и Шалыгину, но и передать им, «чтоб они великому государю службу свою и роденья исполняли и вестей всяких проведывали подлинно [...], что ныне в Литве делается и о чом был сойм, и что на сойме приговорили». К тому времени из Польши с сейма должен был вернуться старший сын Шимона, Григорий, который также мог располагать новыми сведениями, в которых так остро нуждались в Москве.

8 Там же. Д. 40. Л. 134–141.

Между тем события развивались стремительно. Пользуясь образовавшимся в Речи Посполитой периодом «бескорольевья», в русской столице решили не дожидаться официального истечения сроков 14-летнего перемирия и преждевременно начать войну, которая была объявлена на Земском соборе 20 июня 1632 г. Существует мнение, что инициатива войны полностью принадлежала патриарху Филарету, в то время как его сын, царь Михаил Федорович, наученный своим близким окружением, был иного мнения. Не терпящий каких-либо возражений, властный Филарет назвал сына глупцом и ударил его посохом так, что тот упал⁹. Все бы ничего, но внезапное вторжение крымских татар на территорию южных уездов Русского государства вынудило отсрочить наступление на некоторое время.

Спустя 10 дней после официального объявления войны, 30 июня, в съезжую избу Брянска явился крестьянин Богдашка Алексеев, который успешно справился с положенной задачей: отвез «за литовский рубеж» жалованье Ромейкову и Шалыгину, а заодно и доставил от них очередное письмо. Новая информация оказалась весьма ко времени: в Смоленске и северских городах всюду началась подготовка к предстоящей войне. Так, «у пятницу девятую» (после Дня всех святых) стародубский хорунжий, пан Долмат, посетил Стародуб, Почеп и Трубчевск, где «списовал всех людей» — т. е. произвел перепись находившихся там ратных людей. Судя по письму Шимона, он и его товарищ Василий Шалыгин лично встречались с Долматом, который показывал им «листи панов думных», где говорилось о масштабных сборах польского войска: «што королевич мает быть до Смоленска, а при собе мает людей шесть тысяч». В распоряжении литовских магнатов — «Радивила и з ыншими панами», а также Льва Сапеги — находились еще порядка 22 тыс. ратных людей. Плюс ко всему, к войне с русскими было решено привлекать запорожских казаков: «што бы все были в сборе»¹⁰. Последняя новость была наиболее важна для Москвы: в столице рассчитывали на поддержку «черкас» в начавшейся войне с Речью Посполитой¹¹.

⁹ Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб., 2018. С. 38.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 40. Л. 268–269, 348–349.

¹¹ Флора Б. Н. Начало Смоленской войны и запорожское казачество // *Marra Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 443–450.

Летом 1632 г. началась усиленная подготовка к боевым действиям по возвращению в состав Русского государства Смоленска, городов Северной земли (Стародуба, Новгород-Северского, Почепа, Трубчевска), а также Рославля, Дорогобужа, Серпейска, Белой, Невеля и Себежа. Все дворянство, основная боевая сила Московского государства, было расписано «по наряду» в три полка: главный (большой) полк боярина М. Б. Шеина и окольного А. В. Измайлова, передовой полк окольного кн. С. В. Прозоровского и кн. М. В. Белосельского в Ржеву Володимирову¹² (для атаки на крепость Белую), а также сторожевой полк стольника Б. М. Нагого в Калугу, откуда он должен был нанести удар по городу Серпейск. После выполнения обозначенных задач последним двум полкам надлежало соединиться с главным войском под Смоленском. В свою очередь полк Федора Плещеева и Баима Болтина, составлявший отдельное воинское подразделение, должен был выступить на Северщину («на Севѣру»). Царские грамоты «служилым городам» о готовности к высылке в полки стали рассылаться из Разрядного приказа с 25 июня 1632 г.¹³

В этих условиях информаторы из Близницы осознавали, что их положение становится опасным. 22 августа на пороге брянской съезжей избы снова появился монастырский крестьянин Богдашка с письмом, где говорилось, что Ромейков и Шалыгин готовы в любой момент покинуть Литву и выехать в Брянск, так как над их семьями нависла серьезная угроза. Однако в Москве не сочли их ситуацию критической и попросили пожить в Близнице еще некоторое время с целью собрать дополнительные сведения: «и они б пожили и про всякие вести писали, их бы за то жаловали государевым жалованием», — таков ответ поступил из Разрядного приказа. Спустя два дня, 24 августа, Богдашка Алексеев вместе с зятем Сенькой Серпионовым были отпущены воеводами в Почепский уезд, откуда вернулись через месяц, 20 сентября. По их информации, по королевскому указу гарнизон Новгорода-Северского велено было пополнить на 200 чел. пехоты, а из Пропойска в Стародуб с ротмистром Ивашковским со дня на день ожидают 50 конных ратников: «Будет великая битва, королевич Владислав козаком запорожским велел быть поготову до указу», — мрачно резюмировал Шимон Ромейков. Между тем литвин вновь намекнул брянским воеводам о получении жалованья, которое, как обычно, задерживалось.

12 В настоящее время г. Ржев Тверской области.

13 *Козляков В. Н.* Служилые люди России XVI–XVII вв. М., 2018. 2-е изд. С. 319–321.

Последнее письмо от Ромейкова и Шалыгина было получено в Брянске 4 октября 1632 г. К тому моменту в Стародуб действительно прибыло подкрепление — 30 конных казаков, что, впрочем, не вселило в местных жителей уверенности в собственной безопасности: на торжищах и в селах только и говорили о скором вторжении московских полков в Северскую землю. Так, с почепского посада, Мглинского городища и окрестных деревень в страхе разбежались по лесам посадские люди и крестьяне, что доставило немалых хлопот урядникам, созывавшим их в осаду¹⁴.

На этот раз в Близице всерьез озадачились скорейшим отъездом в Россию. Мы не располагаем сведениями о выезде из Почепа в Брянск Василия Шалыгина (впрочем, как и вообще неизвестно — выехал ли он или дождался прихода русского войска), однако до нас дошла челобитная самого «литвина Шимана». В ней почепский шляхтич просил брянских воевод как можно скорее отправить своих людей в порубежное село Акуличи, откуда его с семьей и пахолками (челядью) необходимо было сопроводить до Брянска. Прошение было одобрено в Москве, его семья и люди (всего 12 человек) были размещены в Брянске, а сам Шимон вскоре отозван в Москву. Точная дата выезда неизвестна, но стоит предположить, что произошло это накануне выступления русских войск в Северскую землю (т. е. до 14 ноября 1632 г. — начала похода второго брянского воеводы Никиты Оладьина на Почеп)¹⁵.

Очевидно, накануне отъезда в Брянск Шимон Ромейков попытался сагитировать к побегу и других русских дворян и детей боярских из Стародуба и Почепа: Никифора Шеицкого и Ивана Козлова со товарищи: «в Стародубе литовским людям крепят государевы изменники русские люди», — писал в Разряд брянский воевода Никита Оладьин¹⁶. Однако по каким-то причинам выехать у них не получилось, о чем после «стародубского взятия» (20 января 1633 г.) свидетельствовал почепский сын боярский Иван Козлов: «ехать де на государево имя хотел с Шиманом, и их учили крепить (не пускать. — А. Р.)»¹⁷.

Началась Смоленская война. Сперва боевыми действиями московского войска сопутствовала удача. Еще до подхода основных сил

14 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 79. Л. 85–86, 165–169, 276–278.

15 Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 22–23.

16 Там же. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 276.

17 Там же. Л. 439.

Шейна и Измайлова к Смоленску отряд воеводы Федора Сухотина в середине октября занял крепость Дорогобуж, а выступивший накануне из Калуги стольник Богдан Нагой — Серпейск и Рославль. На северо-западном направлении кн. Семен Прозоровский без особых усилий взял Белую, после чего выдвинулся на соединение с ратью Богдана Нагого, чтобы далее идти под Смоленск к Шеину и Измайлову¹⁸. Осенняя непогода и распутица существенно осложняли продвижение русского войска с пушками и большим обозом, поэтому было принято решение оставить самый тяжелый артиллерийский наряд до весны в Вязьме. Одновременно вполне успешно прошла боевая операция по взятию городов Северной земли — «Северский поход» (в некоторых источниках именуется «Литовским»): 17 ноября был взят Почеп, 5 декабря — Трубчевск, 21 декабря — Новгород-Северский, 20 января 1633 г. — Стародуб.

В ту пору как русские полки вошли на территорию Северной земли, польские магнаты и шляхта направились в Польшу, чтобы принять участие в выборах нового короля и последовавшей за ними церемонии коронации. Плюс ко всему, «кварцянское войско»¹⁹ Речи Посполитой находилось на южной границе — на случай внезапного нападения турок и татар. Данные обстоятельства и сыграли на руку русским: оборона городов, стратегически важных для Москвы (Новгород-Северского, Трубчевска, Стародуба и пр.), целиком легла на малочисленные гарнизоны из гайдуков, казаков и редких представителей шляхты, по каким-либо причинам не уехавших в Польшу на сейм.

Очевидно, сыновья Шимона Ромейкова приняли непосредственное участие в Северском походе. Так, после взятия Трубчевска к челобитной сдавшихся в плен поляков шляхтича Яна Синицкого со товарищи (21 человек), а также русских казаков Непоспела Григорьева в качестве поручителя (по-польски) «руку приложил» иноземец Григорий Шиманов сын Ромейков²⁰.

Во время похода московского войска в Северскую землю (осень 1632 — начало зимы 1633 г.) Шимон Ромейков находился в Москве, куда вскоре из Брянска была отправлена его семья и прислуга. Здесь, в русской столице, здоровье «выезжего» шляхтича резко ухудшилось, в

18 Малов А. В. Невельское взятие 1632 г. Малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 7.

19 Wojsko kwarciane — регулярная армия Речи Посполитой в XVI — середине XVII в.

20 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 94.

связи с чем он принял постриг в московском Знаменском монастыре²¹. Между тем его четверо сыновей удостоились высокой чести: 1 мая 1633 г. по велению царя Михаила Федоровича все они были пожалованы в московские дворяне²² и в дальнейшем пользовались особым расположением государя. Так, в 1634 г. один из сыновей «литвина Шимана», Степан, бил челом московскому царю с просьбой пожаловать его по случаю свадьбы с дочерью другого «выезжего» иноземца (пана Коржинского) Прасковьей. Само торжество должно было состояться 10 ноября 1634 г. Просьба Степана Ромейкова была удовлетворена, и московский государь велел выдать ему жалованье на свадьбу «против иных иноземцев». Всего для свадебного мероприятия младший Ромейков получил семь пудов меда пресного, десять ведер меда паточного, два ведра романей (вино, привозившееся из Европы), два ведра меда вишневого, пять ведер вина горячего, десять четей солода ячменного. Кроме того, царь щедро одарил Степана: чаркой (на три рубля), шелковой тканью (на восемь рублей), сукном лундыш²³ (на четыре рубля), 40 кунницами (на 12 рублей) и деньгами 13 рублей²⁴.

Что же касается сына боярского Василия Шалыгина, то он, несмотря на аналогичную Ромейкову службу брянским воеводам, оказался менее удачлив, чем его сотоварищ из Близницы. Дальнейшие сведения о нем крайне редки и отрывисты. Так, в начале октября 1634 г. в Брянске произошли раздачи жалованья трубчевским и почепским детям боярским и служилым людям «по прибору», а также крестьянам Угрянской волости Рославского уезда²⁵. В этих разда-

21 Род Семена Петровича Ромейкова был внесен в синодик этого монастыря. См.: РГАДА. Ф. 188. Рукописное собрание. Оп. 1. Д. 47. Л. 43об.—45об. Помимо этого, вклад за Шимона Ромейкова (70 рублей) внесли царь Михаил Федорович и патриарх Филарет (см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 68. Л. 491).

22 «Подлинные» боярские списки 1626–1633 гг. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов М., 2015. С. 527. По окончании Смоленской войны, в 1634 г., сыновьям «литвина Шимона» был учинен денежный оклад: Григорию — 30 рублей, Степану — 25, Федору — 20, Давыду — 18 (РГАДА. Ф. 150. Дела о выездах иностранцев в Россию. Оп. 1. 1619 г. Д. 4. Л. 122об.—123).

23 Английское сукно.

24 РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 68. Л. 491–495.

25 Крестьяне, которые принимали участие в походах московской рати на территории Северной земли, а также Рославского уезда в качестве охочих людей.

точных книгах указан и Василий Данилов сын Шалыгин, которому были даны четыре чети ржи, а также пуд соли²⁶. Как и многие другие русские дворяне и дети боярские, вышедшие из «отдаточных» городов, Василий Шалыгин оставался беспоместным, проживая в Брянске вместе с другими почепцами и рославцами²⁷.

Проведенное исследование показывает, что накануне Смоленской войны отдельные представители дворянства в означенном регионе Северщины (не только местного, но и пришлого) готовы были поставлять информацию представителям московских властей с целью дальнейшего отъезда на службу в Россию. Это свидетельствует о сохранившихся прочных связях с Москвой у ряда местных русских дворян на тех территориях, которые были отторгнуты после 1618 г. Собственно говоря, главные персонажи настоящего исследования, Ромейков и Шалыгин, ограничивались лишь пассивным сбором информации и передачей ее через третьих лиц в Москву, деятельность их носила вполне заурядный характер. Сложно сказать, насколько все эти сведения действительно пригодились в русской столице, однако некоторая картина происходившего на тот момент в регионе все-таки была создана.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1851. Т. 4. 1558–1632. VIII + 529 + 25 + 20 с.

Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII вв. М.: Квадрига, 2018. 2-е изд. 544 с.

Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории, заселения, землевладения и управления. Брянск: Белые берега: группа компаний «Десяточка» (издательство «Белобережье»), 2008. Т. 1. Полк Стародубский. Изд. 2-е. 560 с.

Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

Малов А. В. Невельское взятие 1632 г. Малоизвестный эпизод Смоленской войны // Цейхгауз. 2002. № 3. С. 7–8.

26 РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 246. Л. 71, 81.

27 Дети боярскими из г. Рославль.

Флоря Б. Н. Начало Смоленской войны и запорожское казачество // *Мappa Mundi*. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк: видавництво М. П. Коць, 1996. С. 443–450.

«Подлинные» боярские списки 1626–1633 гг. Сборник документов / сост. Е. Н. Горбатов М.: Древлехранилище, 2015. 736 с.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow).

Akty, odnosiaschiesia k istorii Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoi komissiei. Saint Petersburg: v tipografii Ėduarda Pratsa, 1851, t. 4: 1558–1632, VIII + 529 + 25 + 20 s.

Kozliakov, V. N. *Sluzhilye liudi Rossii XVI–XVII vv.* Moscow: Kwadriga, 2018, izd. 2-e, 544 s.

Lazarevskii, A. M. *Opisanie staroi Malorossii. Materialy dlia istorii, zaseleniia, zemlevladieniia i upravleniia*. Briansk: Belye berega: gruppa kompanii «Desiatochka» (izdatel'stvo «Beloberezh'e»), 2008, t. 1: Polk Starodubskii, izd. 2-e, 560 s.

Liapin, D. A. *Carskii mekh: social'no-politicheskaia bor'ba v Rossii v seredine XVII v.* Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018, 336 s.

Malov, A. V. “Nevel'skoe vziatie 1632 g. Maloizvestnyi epizod Smolenskoii voiny”. *Ceihgauz*, no 3, 2002, s. 7–8.

Floria, B. N. “Nachalo Smolenskoii voiny i zaporozhskoe kazachestvo”. *Mappa Mundi. Zbirnyk naukovykh prac' na poshanu Iaroslava Dashkevicha z nagodi iogo 70-richchia*. L'viv; Kiev; New York: vydavnytvo M. P. Kots', 1996, s. 443–450.

«Podlinnye» boiarskie spiski 1626–1633 gg. *Sbornik dokumentov*. Sost. E. N. Gorbatov, Moscow: Drevlekhranilishche, 2015, 736 s.

Anton S. Rakitin

Russian State Archive for Ancient Acts (Moscow, Russia)

“Servants of the Tsar”: The Polish-Lithuanian subject
Szymon Romejkow and the boyar’s son Vasilii Shalygin,
the informers of Moscow before the Smolensk War (1632–1634)

In 1632, the ceasefire expired, signed between the Moscow State and the Polish-Lithuanian Commonwealth in December 1618. Under the terms of this peace agreement, Moscow ceded to the Polish side a number of western territories, including Smolensk, Nevel, Sebezh, as well as the cities of Severia (Trubchevsk, Starodub, Chernihiv, Pohep, Novgorod-Seversky). It should be noted that in the Russian capital, preparations for the upcoming war began already in the late 1620s. In particular, this concerned the collection of data on events in the Polish-Lithuanian Commonwealth through scouts, spies and informants, some of whom acted on the territory of Severia, or rather, on the Russian-Polish borderland. The documentation of the Razryadny Prikaz of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) contains a small set of documents on the activities of two informants from Lithuania: Szymon Romejkow, a nobleman of the country, and the Russian Vasily Shalygin, a son of a boyar. The details of their recruitment to the Russian service are unknown, however, already since 1629 these people had an active correspondence with the Bryansk voivodes, reporting everything that was happening in Poland. Their information turned out to be the most relevant in 1632, when the period of “Interrex” began in the Commonwealth. It was then in Moscow that they considered it necessary to take revenge and to declare war to their neighbour ahead of schedule.

Keywords: *Smolensk war of 1632–1634, Muscovy, the Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita, nobility, Truce of Deulino of 1618.*